

18+

Сергей Барсуков



ОБЪЕКТ «ТАЁЖНЫЙ-85»

Записки майора в отставке
Андрея Зимина

Сергей Барсуков
Объект «Таёжный-85».
Записки майора
в отставке Андрея Зимина

<https://litres.ru/74291067>

ISBN 9785007079686

Аннотация

В сентябре 1985 года в тайге на хребте Сихотэ-Алинь терпит аварию инопланетный корабль. Группа советских военных прибывает на место. Контакт оказывается катастрофическим: оружие землян бесполезно против брони гостей, один неверный выстрел приводит к тому, что солдаты превращаются в каменные статуи или сгорают заживо изнутри странным белым огнем. Спецгруппа КГБ пытается взять ситуацию под контроль, но после того, как корабль исчезает, оставляя остекленевшую землю, военным предстоит сделать выбор.

Содержание

Объект «Таёжный-85»	6
Глава 1	6
Сентябрь 1985 года. Хребет Сихотэ-Алинь	6
Глава вторая	12
Проект «Ковчег»	12
Глава третья	18
Протокол «Ковчег»	18
Глава четвертая	26
Реактивная фаза	26
Глава пятая	33
Точка фазового перехода	33
Эпилог	40
Объект «Таёжный-91»	40
Операция «Анадырь»	46
Глава 1	46
Объект «Сирень»	46
Глава вторая	56
Анабиоз по ГОСТу	56
Глава третья	65
Симфония распада	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Объект «Таёжный-85» Записки майора в отставке Андрея Зими́на

Сергей Барсуков

*Сыновьям Константину и Евгению посвящаю
этот рассказ-фэнтези альтернативной истории!*

Иллюстратор Сергей Кимович Барсуков

© Сергей Барсуков, 2026

© Сергей Кимович Барсуков, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-7968-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Объект «Таёжный-85»

Глава 1

Сентябрь 1985 года. Хребет Сихотэ-Алинь *Записки майора в отставке Андрея Зимина*

Сентябрьская тайга пахнет прелой лиственницей и близкой зимой. В восемьдесят пятом она пахла озоном и бедой.

Всё началось с рапорта начальника узла связи бригады, капитана Рыбакова. Его голос в трубке полевого телефона дрожал так, что мембрана вибрировала.

— Товарищ майор, — выдохнул он, забыв про уставное обращение. — У нас тут... небо кончилось. РЛС ослепла. А потом на Первую сопку сел блин. Металл лунный, не бликует. Диаметр метров тридцать. И тишина такая, Андрей Ильич, что уши закладывает. Как вата в голове.

— Что за истерика, капитан? Какой блин? Метеозонд?

— Если зонд умеет гасить скорость со второй космической до нуля за три секунды без пламени из дюз, то да, ме-

теозонд. Высылайте группу. Только оружие пусть оставят в оружейке. От греха подальше.

Через час мой уазик вяз в болотной жиже под сопкой Лысая. Мы шли пешком, впереди два бойца химразведки с дозиметрами. Приборы молчали, но воздух вокруг был густым, как стекло. Он искажал перспективу: казалось, до корабля сто метров, а сделаешь шаг — и уже пятьдесят.

Он лежал в распадке, подмяв под себя вековые кедры. Идеальный диск цвета вороного крыла, поглощающий свет. Ни швов, ни люков.

Мы выставили оцепление. Молодые пацаны-срочники жались к деревьям, передергивая затворы АКМ от нервного тика. Я подошел ближе. На поверхности диска медленно проступил контур, похожий на трещину во льду, и металл беззвучно ушел внутрь корпуса. Открылся пандус, залитый мертвенно-синим светом.

Они вышли втроем. Не гуманоиды. Высокие, сутулые фигуры в темно-серых комбинезонах, которые казались их собственной кожей. Движения рваные, механические, но при этом пугающе плавные. Вместо лиц — черные глянцевые маски.

Я сделал шаг вперед, держа руки на виду.

— Здравия желаю, — сказал я, чувствуя себя полным идиотом. — Командир мотострелкового батальона майор Зимин. Предлагаем мирный контакт.

Черная маска центрального существа повернулась ко мне.

Внутри маски поплыли светящиеся нити, складываясь в геометрические узоры. В затылок словно вбили раскаленный гвоздь. Образы возникали прямо в сознании, минуя слова: «Пауза. Угроза. Порог».

— Лейтенант! — крикнул я, не оборачиваясь, стараясь перекрыть звон в ушах. — Опустит автомат. Сейчас же опусти, кому сказано!

Но было поздно. Молоденький лейтенант Сомов на левом фланге, бледный как полотно, нажал на спусковой крючок. Очередь хлестнула по груди пришельца.

Пули вошли в него, как в густой кисель, и замерли, едва показавшись с другой стороны. Пришелец даже не покачнулся. Зато пространство вокруг Сомова изменилось. Воздух потерял прозрачность, став матово-белым, как алебастр. Через секунду этот алебастр схватился намертво. Парень застыл с открытым ртом, превратившись в статую.

— Огонь на поражение! По конечностям! — взревел я, бросаясь за вывороченное корневище.

Спецгруппа КГБ полковника Смирнова сработала четко. Тишину разорвали глухие хлопки бесшумных винтовок «Винторез». Пули калибра девять миллиметров били в суставы чужаков. Один из них споткнулся, его нога подломилась, и из раны потекла не кровь, а быстро испаряющаяся синяя пыль. Он издал звук — низкий утробный гул, от которого лопнули стекла в моих наручных часах, а двое солдат рухнули на землю, зажимая кровоточащие уши.

Полковник Смирнов, скатился ко мне в укрытие, тяжело дыша. Лицо у него было серым.

— Бесполезно, Илья Андреевич, — прохрипел он, перезаряжая магазин. — Броня держит кумулятивный заряд. Это не вторжение. Они просто совершили жесткую посадку.

— Тогда какого черта твой стрелок начал балет?! — процедил я, выглядывая. Пандус начал закрываться. Оставшиеся двое подхватили раненого. Третий провел рукой над телом убитого товарища, которое вспыхнуло серебристым пеплом и втянулось в браслет на его запястье. — Они собирают мусор?!

— Они эвакуируют экипаж, — Смирнов кивнул на корабль. — Смотри.

Из-под днища ударили два столба слепящего синего света. Земля дрогнула. Кедровые шишки, роняя шишки. Свет не жег, он давил на грудь многотонной плитой. Корабль приподнялся над землей. Он не взлетал — он просто исчез, растворился в воздухе вместе с запахом озона. Осталась только идеально круглая проплешина выжженного мха и остекленевший песок.

Когда всё стихло, мы подошли к лейтенанту Сомову. Статуя рассыпалась от легкого толчка. На земле осталась лежать горстка бурого праха и оплавленный кусок металла — всё, что осталось от автомата. Рядом сидел рядовой Петров, один из тех, кто открыл огонь следом. От него несло паленой шерстью шинели, но форма была цела. Сам он смотрел в одну

точку абсолютно пустыми глазами. Он сгорел изнутри заживо, белым пламенем, не опалив траву.

Вечером в штабной палатке воняло мокрым сукном, спиртом и валерьянкой. Полковник Смирнов разливал спирт по алюминиевым кружкам. Руки у него ходили ходуном.

— Двое трупов, один овощ, десятка три оглохших, связь с Москвой легла на шесть часов, — Смирнов выпил, не закусывая. — Москва спустит стаю волков из Генштаба. Потребуют объяснений. Что писать в отчете, Андрей?

— Писать правду, — я смотрел на карту района. — Напишем, что проводились учения войск РХБЗ. Имитация применения неизвестного аэрозольного вещества психотропного действия. Под воздействием галлюциногенов личный состав проявил немотивированную агрессию. Случайный выстрел спровоцировал перестрелку между своими. Взрыв боеприпасов. Пострадавшие списываются по ведомости медсанчасти. Контузии, ожоги дыхательных путей.

— А тарелка?

— А никакой тарелки не было, Илья Андреевич. Был метеорологический зонд новой конструкции, упавший в болото, который мы успешно извлекли и увезли в Новосибирск для изучения. Вот показания приборов радиационной разведки. Видишь цифры? Фон повышен. Радиация объясняет и стеклянный песок, и лучевые ожоги Петрова.

— Нас посадят, Андрюша. За потерю управления боем. Или того хуже — в дурдом.

— Если напишем правду про инопланетян — расстреляют завтра утром за панику и разглашение гостайны, — я поднял свою кружку. — Так что забудь слово «тарелка», полковник. Навсегда. Для всех нас это был просто очень неудачный туман. Очень плотный.

Смирнов посмотрел на меня долгим взглядом, чокнулся своей кружкой о мою, и молча допил остатки спирта.

Спустя месяц лейтенанта Сомова похоронили в закрытом цинке. Официальная версия — несчастный случай на учениях из-за детонации бракованной гранаты. Меня комиссовали по состоянию здоровья. Тремор рук лечится водкой, а вот слух восстановить не удалось. Иногда зимними ночами, когда ветер воет в трубе моей дачи под Клином, мне кажется, что сквозь метель снова пробивается тот низкий, утробный гул. Звук абсолютной, холодной пустоты.

Глава вторая

Проект «Ковчег»

Москва встретила меня не снегом, а сырым ноябрьским смогом и запахом креозота на Ленинградском вокзале. Тайга отпустила мое тело — тремор рук почти прошел, но слух так и не вернулся. Мир вокруг стал ватным, приглушенным, словно я смотрел его через двойное стекло больничной палаты.

Вызов в Управление пришел обычным письмом-треугольником, брошенным в почтовый ящик моей съемной квартиры в Чертаново. Внутри был один-единственный бланк: требование явиться по адресу Знаменка, 19. Комната 404. Без указания времени.

Комната 404 находилась в подвале. Лифт увез меня глубоко под землю, где воздух пах озоном, старой бумагой и формалином. За столом сидел человек без лица. Вернее, лицо у него было правильное, волевое, типичное для генерала ГРУ, но глаза смотрели сквозь тебя, как линзы перископа. Генерал-лейтенант Волков. Курировал отдел, который в кулуарах Генштаба называли просто «Склад».

— Садись, Зимин, — он кивнул на стул, даже не взглянув на меня. — Пьешь?

— Если прикажете, товарищ генерал.

— Не прикажу. Ты мне нужен с трезвым рассудком. И со здоровым сердцем. То, что произошло в сентябре на Сихотэ-Алине, списали на учения химвойск. Твои солдаты получили медали за ликвидацию последствий аварии ракетного топлива. Полковник Смирнов теперь читает лекции о тактике НАТО курсантам. Все довольны. Кроме нас с тобой.

Волков открыл красную папку. На обложке стоял гриф «Особой важности» и индекс, которого я раньше никогда не видел: «Проект «Ковчег».

— Мы искали их обломки с сорок седьмого года, Андрей Ильич. После того, как под Розуэллом американцы собрали свои трофеи, Хозяин отдал приказ создать группу «Лотос». Мы перехватывали каждый сигнал. Но они хитрые. Они падают только тогда, когда сами этого хотят. Или когда их сбивают.

— Их сбили? — хрипло спросил я. В горле пересохло.

— Нет. Это была жесткая посадка из-за магнитной аномалии хребта. Наш радарный купол выдал такой импульс помех, что их навигация ослепла. А твой лейтенант Сомов лишь ускорил процесс эвакуации. Если бы не его очередь, мы бы сейчас имели дело с полноценным дипломатическим контактом. А так... имеем то, что имеем.

Генерал достал из сейфа предмет, завернутый в плотный черный бархат. Положил его на стол между нами. Развернул ткань.

На сукне лежала стандартная алюминиевая фляжка армейского образца. Та самая, из которой полковник Смирнов пытался напоить пришельца водой. Только она изменилась. Металл покрылся радужными пятнами, будто побывал в кислоте, а крышка намертво приварилась к горлышку.

— Экспертиза НИИ-42, — сухо сказал Волков. — Вода испарилась полностью. Но соль, которая была растворена в ней, кристаллизовалась внутри стенок фляги. Знаешь, что это такое? Идеальная решетка алмаза. Твоя водопроводная вода стала катализатором термоядерной реакции холодного синтеза прямо в алюминии. Эта фляжка фонит холодом до минус двухсот градусов, хотя снаружи она теплая. Отпечаток пальца полковника Смирнова прожег металл на полмиллиметра вглубь. Он чуть не остался без руки.

Я молчал, глядя на искалеченный кусок алюминия. Обычный вещмешок советского солдата превратился в артефакт чуждой физики.

— Зачем вы показываете мне это, товарищ генерал? Я списан подчистую. У меня третья группа инвалидности по слуху.

— Потому что ты единственный, кто дышал с ними одним воздухом дольше пяти секунд и не сошел с ума, — Волков захлопнул папку. — И потому что они вернулись.

У меня похолодело в груди. Не от страха. От глухоты. Мое мертвое ухо вдруг уловило тот самый низкочастотный гул, который я слышал в тайге. Фантомный звук, вибрация ко-

стей.

— Где?

— Там же. Сихотэ-Алинь. Район Малиново. Сегодня в ноль три часа по местному времени, спутник оптической разведки засек тепловой всплеск в том самом распадке. Корабль больше. Гораздо больше. Около ста метров в диаметре. И он активен.

— Что им нужно? — слова давались с трудом.

— Ответный визит, — тон Волкова стал стальным. — Согласно директиве ЦК КПСС и приказу Министра обороны №085-Бис, вводится в действие протокол «Ковчег». Мы не можем допустить повторения сентябрьской бойни. Любой несанкционированный огонь будет расценен как объявление войны с немедленным применением ответно-встречного удара силами Дальневосточного округа. Никаких автоматов. Никакого спецназа КГБ.

Он встал, подошел к огромной карте СССР во всю стену. Ткнул пальцем в зеленое пятно тайги.

— Сюда перебрасывается усиленный батальон связи РЭБ. Поставим над сопкой колпак полного радиомолчания. Ни одна мышь не пискнет в эфире. Сюда, — палец сместился южнее, — садится эскадрилья Ми-26. В них погрузят контейнеры. Герметичные свинцовые гробы.

— Вы хотите отдать им тела? — догадался я.

— Мы хотим отдать «всё», — жестко отрезал Волков. — Включая лейтенанта Сомова. Его родители получили закры-

тый гроб с телом, которое экспертиза признала неопознанным из-за термического воздействия. Но мы заморозили настоящий прах. Тот самый серебристый песок. И останки двоих бойцов, которых сожгло белым огнем. Всё собрано.

Генерал посмотрел мне прямо в глаза. Впервые за весь разговор в его взгляде появилось что-то человеческое — тяжёлая, смертельная усталость.

— Поедешь старшим офицером связи, Зимин. Твоя задача — выйти на контакт первым. Передать груз. Сказать им то, что передал тебе первый гость мысле-образами. «Пауза. Угроза. Порог». Скажи им, что мы поняли. Что граница закрыта. И если они попытаются забрать еще кого-то из наших людей живыми, этот порог будет пройден. Мы вскроем склады в Капустином Яру. Понял меня, майор?

Я сглотнул ком в горле. Вся моя пенсия, тихая дача под Клином и забвение летели в пропасть. Впереди снова была та проклятая сопка.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Когда вылет?

— Через два часа. Военный борт до Хабаровска. Дальше вертушкой. Форма одежды — парадная. При себе иметь только удостоверение личности. Оружие получишь на месте. Спецзаказ. Резина и жидкий азот. Чтобы случайно не поцарапать гостей.

Когда я выходил из комнаты 404, спиной чувствуя взгляд генерала Волкова, в моем оглохшем левом ухе отчетливо и громко прозвучал голос полковника Смирнова, стоявшего

тогда в осеннем тумане: «Держи строй, Андрюша. Только держи строй».

Глава третья

Протокол «Ковчег»

Хабаровск приветствовал меня ледяным ветром с Амура и стойким запахом авиационного керосина. Военный «Большой аэродром» в районе Южнопортовой гудел, как растревоженный улей, но это была не суета обычных учений. Это была тишина перед ударом.

У ангара номер четырнадцать стоял Ми-26. Не стандартный транспортник войск ВДВ, а чудовищная модификация, которую я видел только в закрытых альбомах ГРУ. Вместо обычного десантного отсека — глухой свинцовый кокон, приваренный намертво к силовому набору фюзеляжа. На бортах красовались свежие пятна камуфляжа, нанесенные явно впопыхах прямо поверх заводской краски. Из открытых капотов двигателей торчали ноги техников в промасленных куртках, пахло горелым титаном.

Меня ждали двое. Первый — полковник медицинской службы с петлицами академии имени Кирова. Лицо землистое, под глазами мешки цвета старого пергамента. Вторым — молчаливый капитан госбезопасности в штатском плаще, который смотрел на мир так, словно уже выписал ему путевку в Лефортово.

— Майор Зимин? — Медик шагнул вперед, протягивая руку. Рукопожатие оказалось неожиданно крепким, сухим. — Полковник Штерн. Институт медико-биологических проблем. Для вас мы просто Грузовой отдел. Вы назначены ответственным лицом за передачу посылки. Капитан Мезенцев обеспечит режим секретности.

Штерн кивнул на черный правительственный ЗИЛ, подкативший к самому трапу вертолета. Задние двери распахнулись. Внутри, на специальных амортизирующих ложементах из пористой резины, стояли три длинных контейнера из матового черного полимера. Они напоминали гробы для глубоководных аппаратов. От них тянуло могильным холодом, хотя на улице было минус десять. К каждому контейнеру шли гофрированные шланги, уходящие в баллоны со сжатым воздухом.

— Что там? — спросил я, хотя по инструкции мне знать этого не полагалось.

— Лейтенант Сомов, — тихо ответил Штерн, поправляя очки. — И его товарищи. То, что от них осталось после сентябрьского инцидента. Мы заморозили их до абсолютно нуля. Если хоть один контейнер даст течь при перепаде давления... молекулы индиго снова станут активными. Нам придется сбрасывать машину в океан. Таковы условия протокола «Ковчег».

Мезенцев подошел ближе. Его рука нырнула во внутренний карман плаща. Я инстинктивно напрягся, положив ла-

донь на пустую кобуру. Но он достал не удостоверение.

Это был пистолет. Вернее, то, что должно было им быть. Блок черной стали без привычного ствола, с широким прямоугольным раструбом вместо дульного среза. Рукоять обмотана чем-то похожим на влажную губку.

— Спецзаказ НИИ Прикладной химии, — бесцветным голосом произнес контрразведчик, передавая мне оружие. — Индекс «Глетчер». Внутри капсулы с жидким азотом под давлением. Температурный шок минус двести градусов. Стрелять строго в сочленения конечностей. Попадание в корпус бесполезно, прожжете дыру размером с кулак, они даже не заметят. Промахнетесь — превратите скалу за ними в вулканическое стекло. Предохранителя нет. Нажмете здесь.

Он ткнул пальцем в утопленную клавишу над спусковым крючком. Пистолет весил килограммов пять. Он оттягивал руку вниз своей мертвой, индустриальной тяжестью.

Мы погрузились. Рев турбин Ми-26 оглушил даже сквозь шлемофон. Машина тяжело оторвалась от бетона, просев почти на метр, прежде чем ее колоссальная подъемная сила преодолела гравитацию вместе с весом трех замороженных душ.

Полет длился два часа. Большую часть времени вертолет шел на предельно малой высоте — двадцать метров над верхушками сосен, повторяя рельеф сопок. В кабине пилотов светились экраны станций постановки помех. Комплекс

«Смальта», развернутый где-то внизу, в тайге, выдавал такой плотный шум в эфире, что собственные радиостанции экипажа шипели белым паром. Мы были слепы и глухи. Весь Дальневосточный округ сейчас искал нас на радарх, принимая за неопознанную цель вероятного противника, подлежащую немедленному уничтожению силами ПВО.

Сихотэ-Алинь изменился. Сентябрьская грязь замерзла, превратив распадки в стеклянные ловушки. Там, где месяц назад лежала тарелка, теперь зиял идеальный круг выжженной земли, покрытый сизым инеем. Температура внутри круга была аномально низкой — термометр бортового врача показывал минус сорок, хотя вокруг стояла обычная приморская осень.

А над кругом висел «он».

Не диск. Собор. Матовый монолит угольно-черного цвета диаметром около ста метров. Он не касался земли, зависнув на высоте третьего этажа. И он пульсировал. По его обшивке медленно текли волны глубокого фиолетового свечения, словно кровь под тонкой кожей.

Ми-26 завис. Боковая аппарель опустилась. Трап коснулся остекленевшего песка ровно в центре круга.

— Порядок действий, майор, — голос полковника Штерна в наушниках звучал отстраненно, будто он комментировал вскрытие лягушки. — Вы выходите первым. Идете пешком. Контейнеры выгружаем через минуту. Ставим на землю. Открываем замки. Ждем. Никаких резких движений. Ес-

ли пойдут образы — транслируйте вслух, мы пишем всё на магнитную ленту.

Я ступил на трап. Мороз ударил мгновенно. Воздух был густым, тяжелым, дышать приходилось силой, раздирая легкие. Тот самый низкий гул вернулся. Теперь он не вибрировал в костях — он давил на грудную клетку гидравлическим прессом, пытаясь раздавить ребра. Мой левый, оглохший слуховой аппарат вдруг прозрел. Звук стал объемным. Я слышал, как трещит структура пространства над кораблем.

Пандус сверху открылся беззвучно. Прямоугольник абсолютной темноты. Ни луча света, ни встречающей делегации. Просто провал в никуда.

Из мрака вышли трое. Те же серые фигуры, те же черные маски. Но сегодня их движения не казались механическими. В них появилась пугающая грация хищника, уверенного в своем превосходстве.

Они остановились на краю пандуса. Центральный поднял конечность. В моем сознании вспыхнули знакомые символы: «Возврат. Долг. Завершение».

Полковник Штерн дал отмашку бойцам грузовой команды. Четверо солдат, одетых в тяжелые изолирующие костюмы химзащиты, похожие на лунные скафандры, начали выносить контейнеры. Ноги скользили по льду. Один боец споткнулся.

Контейнер накренился. Замок выдержал, но тонкая трубка пневмо-магистральной, идущая к баллону азота, натянулась

и с металлическим звоном лопнула.

Из микротрещины вырвалось облачко белого газа. Оно упало на остекленевший песок и... земля под ним исчезла. Песок не превратился в лед. Он просто перестал существовать, обратившись в столб бурой пыли. Раздался звук ломающейся сухой ветки — это рвался силовой каркас контейнера.

— Утечка! Первая емкость повреждена! — истерично закричал кто-то в гарнитуре.

Пришельцы дернулись. Их черные маски повернулись к поврежденному контейнеру. Фиолетовые волны на корпусе корабля ускорились, став почти ослепительными. Пространство вокруг замерзающего солдата начало искажаться. Парень открыл рот, чтобы закричать, но звука не было — воздух кристаллизовался у него в гортани. Он начал превращаться в ту самую серебристую статую, что и лейтенант Сомов в сентябре.

Время практически остановилось. Я видел, как медленно, невероятно медленно падает рукав шинели кричащего бойца. Как медленно оседает облако пыли.

Моя рука сама подняла тяжелый «Глетчер». Вес пистолета внезапно исчез — мышцы работали на чистом адреналине.

Я навел широкий раструб не на пришельцев. Я перевел прицел на командира группы грузчиков, который застыл соляным столбом рядом с текущим азотом.

И нажал утопленную клавишу.

Выстрела не было. Был хлопок, похожий на открытие бутылки шампанского. Струя невидимого прозрачного газа ударила точно в грудь советского капитана. Одежда затрещала и рассыпалась пеплом. Человек упал на колени, покрываясь толстой коркой инея изнутри. Процесс трансформации остановился. Он остался человеком. Просто куском замороженного мяса, стоящим на коленях посреди тайги.

Пришельцы замерли. Их головы синхронно повернулись ко мне. Черные линзы масок уставились в мои глаза. Образы хлынули в мозг сплошным потоком, сметая волю: огонь городов, океаны кипящей крови, хруст стекла планетарной коры. Наказание за агрессию. За нарушение перемирия.

Но сквозь эту боль я четко услышал свой собственный голос, произносящий слова полковника Смирнова годичной давности:

— Пауза. Угроза. Порог.

Я сделал шаг вперед, волоча за собой тяжелое тело «Глетчера».

— Вы пришли за долгом, — прохрипел я, чувствуя вкус крови из прокушенной губы. — Забирайте. Но больше никто из моих людей не станет пылью. Следующий выстрел будет не в вашего слугу. Он будет в ваш Ковчег. У вас тридцать секунд, чтобы открыть трюм.

Центральный пришелец долго смотрел на меня. Затем плавно, очень плавно наклонил голову. Пандус позади них начал расширяться, открывая внутреннее пространство ко-

рабля — бесконечный коридор, залитый тем же мертвенным синим светом.

Началась разгрузка. Самый страшный обмен пленными в истории человечества прошел в абсолютном молчании, нарушаемом лишь ревом турбин Ми-26 и треском остывающей земли.

Глава четвертая

Реактивная фаза

Обратный путь пассажиры Ми-26 проделали в гробовом молчании. Рев турбин казался шепотом по сравнению с тем вакуумом, который повис в десантном отсеке. Три свинцовых контейнера стояли на ложементах, опутанные шлангами экстренной подачи тепла. От них больше не веяло могильным холодом — теперь они сочились болезненным, влажным жаром реанимации.

Я сидел прямо на металлическом полу, привалившись спиной к борту. Пальцы правой руки намертво свело судорогой вокруг рукояти «Глетчера». Я разжал их только тогда, когда шасси вертолета коснулись бетона хабаровского аэродрома. Оружие упало на рифленый пол с тяжелым стуком. Капитан Мезенцев посмотрел на меня, кивнул своим людям из госбезопасности, и те, молча, подхватили контейнеры. Меня оставили одного. Вышедший из употребления инструмент обычно списывают за борт.

В Москву я летел гражданским рейсом, затерявшись среди инженеров-нефтяников. В иллюминаторе плыла ночь. Левое ухо, мой вечный инвалидный колокольчик, внезапно прозвенел чисто и ясно. Впервые за год я услышал ровный

гул двигателей Ту-154 без искажений. Слух вернулся так же внезапно, как и пропал. Но тишина внутри головы от этого стала только громче.

Институт медико-биологических проблем встретил меня запахом озона, кварца и специфическим больничным духом, который нельзя спутать ни с чем. Корпус номер четыре находился за тройным периметром охраны в Протвино.

Полковник Штерн ждал меня в смотровой. Он выглядел еще хуже, чем в тайге — постаревший лет на десять.

— Садись, майор, — он указал на табурет. — Ты сейчас объект наблюдения, а не свидетель. Сдай форму. Тебя переодедут в халат.

— Что с капитаном? Тем, которого я... заморозил?

— Жив. Отделение комбустиологии. Третья степень глубокого поражения тканей. Мы греем его плазмой уже вторые сутки. Кожа слезает чулком. Но сепсиса нет. Ваша инопланетная пакость оказалась стерильной. Повезло дураку.

Штерн протянул мне стакан с мутноватой жидкостью.

— Пей. Это глюкоза и успокоительное. У тебя полное истощение надпочечников. Адреналин кончился еще над сопкой, но тело продолжало работать на чистом упрямстве. Теперь будет откат.

Я выпил. Горький вкус лекарства обжег горло.

— Где Сомов?

Лицо полковника закаменело. Он подошел к тяжелой стальной двери, ведущей в основной блок лаборатории, и

приложил ладонь к сканеру сетчатки.

— Иди за мной. Только тихо. Не дыши глубоко. Там низкое давление.

За дверью был минус. Холод ударил в лицо, мгновенно покрыв инеем усы. Огромный герметичный бокс напоминал внутренность термоса. Стены обиты матовой нержавеющей. В центре зала, подвешенное на силовых растяжках, висело нечто, похожее на скульптуру из мутного стекла.

«Он».

Лейтенант Сомов.

Его форма была срезана лазером. Тело не было синим или бледным. Оно было прозрачным. Глубокая гипотермия IV степени перевела всю жидкость организма в стекловидное состояние. Внутри него медленно, очень медленно кружились микроскопические серебристые снежинки.

— Индиго, — прошептал Штерн, включая ультрафиолетовую подсветку.

Тело лейтенанта вспыхнуло изнутри мертвенным фиолетовым светом. Узоры светящихся вен повторяли созвездия на карте звездного неба.

— Мы не можем начать согревание, — продолжил полковник, выдыхая облачко пара. — Как только температура поднимется выше тридцати градусов ниже нуля, кристаллическая решетка воды начнет разрушаться. Но вместе с ней разрушится и структура ДНК. Он рассыплется в пыль. Тот самый серебристый песок, который ты видел в сентяб-

ре. Процесс необратим. Протокол «Ковчег» превратился в фарс.

— Зачем вы держите его здесь? Почему не в земле?

— Потому что Москва требует результат, — голос Штерна стал жестким, злым. — Генеральный штаб хочет знать принцип действия оружия. Они думают, если мы поймем, как работает эта синева, мы сможем сделать такую же боеголовку. Они стоят там, — он ткнул пальцем вверх, в потолок бункера, — со счетчиками Гейгера и ждут, пока природа сама решит проблему. Ждут начала некроза, чтобы посмотреть границы омертвения тканей при контакте с чужеродной биомассой. Им нужен труп для вскрытия, Зимин. Идеальный, законсервированный военный образец.

Я смотрел сквозь стекло на лицо лейтенанта. На нем застыло выражение крайнего удивления. Будто он до последнего мига не верил, что воздух может стать твердым.

— А пришельцы? — спросил я. — Та махина над тайгой. Они просто улетели после обмена?

— Нет, — Штерн выключил подсветку, и во тьме остались только наши лица и светящаяся фигура солдата. — Они перешли на другую орбиту. Геостационарную. Прямо над нами. Спутники фоторазведки ослепли час назад. Вся связь КВ-диапазона забита их пульсирующим сигналом. Они не требуют вернуть тела. Они транслируют одну и ту же математическую последовательность. Простую дробь. Один к трем.

— Соотношение живых к мертвым?

— Или вес груза к весу корабля. Кто знает. Сейчас аналитики ГРУ ломают голову над матрицами, пытаюсь найти в этом угрозу национальной безопасности.

Полковник достал из кармана халата плоскую фляжку с коньяком, глотнул и поморщился.

— Знаешь, почему генерал Волков выбрал именно тебя для протокола? Из-за твоего слуха. Вернее, из-за его отсутствия. Когда началась стрельба в сентябре, твои барабанные перепонки были уже повреждены первой волной их телепатии. Ты оглох раньше, чем твой мозг расплавился от боли. Ты единственный сохранил способность отдавать приказы, когда остальные офицеры катались по земле, выдавливая себе глаза. Ты функциональный дефект системы, майор. Полезный брак.

Я подошел вплотную к стеклу. Прижался лбом к ледяному металлу. Коньяк теплом растекался по желудку, но не мог прогнать холод, идущий от стен бокса.

— Открой шлюз, — сказал я, не поворачиваясь к себе-седнику.

— Что?

— Открой технический шлюз сбоку. Там, где вводятся кабели питания. Мне нужно войти внутрь.

— Исключено. Нарушение стерильности. Резкий температурный градиент убьет его быстрее, чем излучение. Да и тебя тоже зацепит, ты же стоял в метре от эпицентра...

— Открывай, Илья Маркович, — перебил я его. — Ина-

че я открою главный люк. Посмотрим, сколько протянет ваш идеальный военный образец, когда давление в камере сравняется с атмосферным. Начнется сублимация.

Штерн долго смотрел на меня. В его глазах боролись врач, чекист и просто уставший старый человек. Наконец он тяжело вздохнул, подошел к пульту управления и набрал код.

С тихим шипением тяжелая бронеплита отъехала в сторону. В лицо ударил сухой мороз испарителя жидкого азота.

Я начал расстегивать пуговицы своего гражданского плаща.

— Что ты делаешь? — выдохнул Штерн.

— То, чего не умеет ваша наука, — ответил я, оставаясь в одной рубашке. — Передача тепла контактным способом. Мой предел выживания — около пятнадцати минут при такой температуре. Его — бесконечность. Если я лягу рядом, прижмусь телом к телу, моя термодинамика замедлит фазовый переход в его тканях. Мое живое тепло против их мертвой геометрии. Рискнем, полковник. Терять нам все равно нечего, кроме очередного секретного приказа ЦК.

Не дожидаясь ответа, я шагнул в облако белого пара. Дверь за моей спиной закрылась, отрезая путь к отступлению. Мир сузился до размеров стеклянного гроба. Подошвы ботинок примерзли к фалышполу. Я сделал последний шаг, лег на жесткий металлический стол, установленный параллельно висящему телу, и вытянул руки, накрыв окаменевшую грудь лейтенанта Сомова своими ладонями.

Мороз впился в кожу тысячами раскаленных иголок. Боль была запредельной, очищающей. Она вымывала из памяти запах таежной гнили, тяжелый гул «Глетчера» и черные маски пришельцев. Осталось только ощущение абсолютного нуля и слабая, едва заметная пульсация чужой жизни под моими пальцами.

Где-то далеко наверху, за километрами железобетона, зависшая над планетой тарелка продолжала свой беззвучный математический отсчет: один-три, один-три...

Глава пятая

Точка фазового перехода

Холод не пришел постепенно. Он не был похож на мороз, к которому привыкло мое тело в тайге. Это была абсолютная физика, лишенная человеческих ощущений.

Как только моя голая грудь коснулась ледяной статуи лейтенанта Сомова, законы термодинамики включились мгновенно. Теплопроводность человеческого тела ничтожна по сравнению с теплопроводностью замороженной воды в состоянии глубокого переохлаждения. Я не отдавал ему тепло — я обрушил его в бездонную пропасть.

Влажный воздух в боксе превратился в стеклянную крошку и впился в легкие. Слизистая гортани замерзла за один вдох. Я попытался закричать, предупредить Штерна, чтобы он закрывал шлюз снаружи, но из горла вырвался лишь беззвучный хрип выдавленного кислорода. Мои ребра сковало спазмом: диафрагма превратилась в лист чугуна.

Контактная точка между нашими телами вспыхнула болью, которой не существует названия в медицине — что-то противоположное комбустиологии. Это было не обморожение. Это был мгновенный крионекроз четвертой степени. Вода в верхнем слое эпидермиса не успела стать льдом —

она перешла сразу в пар, а затем этот пар кристаллизовался внутри пор кожи. Кожа прилипла к ледяной форме лейтенанта намертво. Мы стали единым куском органического стекла. Чтобы оторвать меня сейчас, потребовалось бы снять мясо с костей лоскутами.

Сквозь ресницы, превратившиеся в сосульки, я видел лицо полковника Штерна по ту сторону бронестекла. Его рот открывался в беззвучном крике. Он бил кулаками по гермо-двери, потом бросился к пульту экстренной декомпрессии. Красный пластиковый колпак защитного кожуха над кнопкой «АВАРИЯ» треснул под его пальцами.

И тогда мир исчез.

Это не было похоже на образы пришельцев. Те были яркими, режущими. Этот удар был глухим, черным, пахнущим озоном и жженой проводкой. Телепатия чужаков нашла лазейку через мой открытый нервный контакт с их носителем. Но теперь сигнал не встречал преград. Мой мозг стал антенной, подключенной напрямую к источнику электроэнергии мощностью в несколько гигаватт.

Своды подземного бункера Института физики высоких энергий перестали существовать. Я стоял посреди горящего Новосибирска. Только огонь был синим, холодным, и вместо звуков взрывов звучала идеальная математическая дробь: «Один делить на три». Архитектура города складывалась внутрь себя, подчиняясь этой пропорции. Люди на улицах падали замертво, превращаясь в серебристую пыль, которая

втягивалась в небо.

Я посмотрел на свои руки. Они были сделаны из черного матового металла звездолета. Вены светились индиго. Я был ими. А они были мной. Граница между майором Советской Армии Андреем Зиминым и коллективным разумом Ковчега растворилась в точке абсолютного нуля.

«Пауза», — транслировал я им своим отчаянием.

«Угроза», — отвечала мне геометрия умирающего мира.

«Порог», — прошептал я, чувствуя, как останавливается сердце.

Мое сердце не просто замедлилось. Электрические импульсы синусоидального узла столкнулись с волной сверхнизких температур, идущей от тела Сомова. Кровь в желудочках начала густеть. Тромбоциты склеились первыми. Через десять секунд после контакта агональное состояние должно было перейти в клиническую смерть от гипоксии мозга.

— Майор! Андрей Ильич! Держите!

Голос пробился сквозь синеву видений. Это был не Штерн. Голос шел изнутри моего собственного черепа, старый, прокуренный, злой. Полковник Смирнов. Год назад, в туманном распадке Сихотэ-Алиня. «Держи строй, Андрюша. Только держи строй».

Этот чужой голос, врезавшийся в программу пришельцев, сработал как вирус. Образы горящего города дрогнули. Дробь «один к трем» споткнулась.

Боль стала невыносимым фильтром. Когда каждый нейрон сгорает от перепада температур, мозгу некогда обрабатывать высшую математику. Агония заземлила сигнал.

Я перестал быть антенной. Я снова стал мясом. Разрушающимся, гниющим заживо мясом.

Сквозь кровавый туман в глазах я увидел, что происходит со стеклом бокса. Оно больше не было прозрачным. По идеально ровной поверхности побежали трещины — не от удара, от чудовищного напряжения термического расширения. Наружный слой брони остывал от систем охлаждения зала, а внутренний раскалялся от нашего с Сомовым соприкосновения. Сталь стонала, пытаясь разорваться пополам.

А потом полковник Штерн нажал кнопку.

Тяжелая бронеплита шлюза пошла вбок. Но механизм, рассчитанный на работу в стерильной среде, не выдержал температурного шока. Закаленная сталь направляющих лопнула с визгом рвущегося троса. Плита весом в полтонны сорвалась с креплений и рухнула вниз.

Она упала точно на наши ноги.

Звук был мокрым, хрустким, тошнотворным. Давление гидравлических приводов завершило то, что начал холод. Ниже колен мы перестали быть людьми. Там осталась только мешанина из раздробленных берцовых костей, разорванных мышц и жидкого азота, который выплеснулся из поврежденных магистралей системы заморозки прямо на рану.

Адская боль в ногах наконец-то перекрыла космический

гул в голове. Меня вырвало желчью прямо на грудь мертвого лейтенанта. Желудочный сок зашипел, испаряясь на льду.

Штерн не пытался открыть дверь дальше. Он понял, что это бесполезно. Он просто стоял там, по ту сторону разбитого стекла, и смотрел, как я умираю. Его лицо было белым, как кафельная плитка морга. Он проиграл. Протокол «Ковчег» закончился погребением двух офицеров под упавшей переборкой секретного объекта.

Глаза начали затягиваться мутной пленкой катаракты от обезвоживания роговицы. Сердце пропустило еще один удар. Потом еще. Между ударами проходили минуты.

Где-то глубоко под слоями замерзающей коры головного мозга, в самом центре продолговатого мозжечка, где сидит древний инстинкт выживания, щелкнул последний рубильник.

Чтобы спасти ядро от переохлаждения, организм отключает периферию. Кровь перестала течь к ногам, которые уже превратились в фарш под стальной плитой. Она мощным ревушим потоком ударила в голову и грудную клетку.

Но путь ей преграждал лейтенант Сомов. Наши тела сварились воедино. Моя сонная артерия прижалась к его ключице.

Я почувствовал, как горячая, живая кровь под бешеным давлением ударяет в кусок космического льда. Не наружу. Внутрь.

Термодинамика работает в обе стороны. Если есть разни-

ца температур, тепло пойдет от горячего к холодному. Моя артериальная кровь температурой тридцать семь градусов Цельсия хлынула в сосуды человека, охлажденного до минус ста восьмидесяти. Сосуды сомовского организма, готовые рассыпаться от малейшего тепла, приняли этот удар. Лед внутри него начал плавиться изнутри.

Раздался звук. Самый страшный звук, который я слышал в жизни. Звук лопающихся перезрелых арбузов. Это трескались капилляры лейтенанта Сомова, разрываемые расширяющейся кровью.

Его тело начало оживать. И оно начало умирать одновременно.

Серебристые узоры индиго под кожей вспыхнули ослепительным ультрафиолетом и начали стремительно чернеть. Некроз распространялся быстрее, чем жизнь. Фиолетовое свечение сменилось трупными пятнами цвета старого асфальта. Жизнь пыталась вернуться в сосудистую систему, но стенки сосудов превратились в хрупкий пергамент.

Лейтенант открыл глаза.

Они не были человеческими. Заполненные черной застывающей кровью, они смотрели сквозь меня. Из его рта вместе с облачком пара вырвался тот самый низкий вибрирующий гул, который оглушил нас в сентябре.

Он попытался поднять руку. Стальной трос гравитационной подвески натянулся до предела. Металл не выдержал. Крюк вырвался из потолка.

Тело Сомова рухнуло прямо на меня. Ста семидесяти килограммов веса, помноженных на ускорение падения, хватило, чтобы сломать мои собственные ребра, которые уже стали ломкими от холода.

Воздух окончательно покинул легкие. Перед глазами поплыли красные круги. Последнее, что я увидел — это как полковник Штерн медленно оседает на пол операторской, приваливаясь спиной к стене. Он достал из кобуры табельный Макаров. Приставил ствол к виску.

Выстрела я не услышал. Просто красная дымка на стекле брызнула мелкими каплями, смешиваясь с моим собственным замерзающим выдохом.

Темнота пришла мягко, без боли. Она была теплой.

В этой темноте кто-то очень далеко выключил рубильник связи с космосом. Сигнал «Один к трем» прервался. Навсегда.

Эпилог

Объект «Таёжный-91»

Девяносто первый год пах гарью паленой резины и свободой, от которой кружилась голова. Империя, десятилетиями, державшаяся на страхе, бетонных глушилках КГБ и ракетных шахтах в казахских степях, рассыпалась быстрее, чем колотый лед.

Строй сменился не по щелчку пальцев генсека, а под скрип рыночных ларьков у станций метро. Красные флаги уступили место трехцветным полотнищам. Секретные заводы, ковавшие титан для звездолетов, начали выпускать кастрюли и лопаты из авиационного дюралю, чтобы выжить. Институты физики высоких энергий закрывались один за другим; ученые с мировыми именами торговали турецкими дубленками на вещевых рынках, а их лаборатории сдавали в аренду под склады импортной водки.

Протокол «Ковчег», объект «Салют-7-Бис» и капитан Зимин стали статистической погрешностью. Архивы ГРУ были распиханы по картонным коробкам и свалены в сырых подвалах Лубянки, где на них медленно росла плесень вместе с актами о списании мебели. Никто больше не ждал пришельцев над сопками Сихотэ-Алиня. У страны появились другие

враги — гиперинфляция, безработица и пустые полки магазинов. История майора, отдавшего ноги ради контакта с иным разумом, растворилась в кислоте новой эпохи.

Декабрь 2024 года. Подмосковье

Запах старых газет, сухой пыли и нафталина вьелся в кожу рук. Анна разбирала антресоли в дедовской даче после похорон бабушки. Среди пожелтевших поздравительных открыток от однополчан, выцветших фотографий с Байконура и тяжелых орденских планок она нашла её... Не самиздатовскую книжку и не дневник. Это была стандартная канцелярская папка серого картона с истлевшими завязками. Надпись на обложке, сделанная химическим карандашом, почти стерлась: «Личное дело. Временно. Для памяти».

Внутри лежала магнитофонная кассета МК-60 в прозрачном пластиковом футляре. Катушки ленты проела рыжая осыпь — укусный синдром. Рядом — стопка листов, отпечатанных на пишущей машинке «Оптима» через копирку. Третий экземпляр, буквы бледные, быющие вкось.

Анна села прямо на пыльный пол дачного чердака, подняв облачко пыли от сухой трухи деревянного пола. Она никогда не знала своего деда с другой стороны. Для нее он был просто старым, угрюмым инвалидом-колясочником, который целыми днями смотрел в окно на сосны и молчал, пока деменция не забрала последние слова. Мама всегда говорила, что он получил контузию при испытаниях какого-то топлива на полигоне.

Она вставила кассету в старый плеер Sony Walkman, найденный тут же, в коробке со старыми проводами. Нажала кнопку. Механизм натужно взвыл, пытаюсь прокрутить хрупкую ленту.

Сначала раздался треск статики. Затем — тяжелое, хриплое дыхание человека с перебитым ребром. Звук записывался явно тайно, на встроенный микрофон дешевого диктофона.

— ...Штерн мертв, — голос был незнакомым, сорванным до шепота. — Смирнов застрелился в операторской, когда плита рухнула. Мезенцев... если они найдут протоколы вскрытия Сомова в Протвино, нас всех объявят сумасшедшими. Они уже пилят станки на цветной металл. Им не нужен Контакт. Им нужна валюта.

Пауза. Скрежет зубов.

— Я сижу в этой коляске третий месяц. Ноги пришлось ампутировать выше колена. Газовая гангрена сожрала то, что не успел отрезать полковник медслужбы. Знаешь, Анечка... или как там будут звать тебя через тридцать лет... я ни о чем не жалею. Кровь согрела его. Мы пробили их порог. Только вот Ковчег понял нас неправильно. Он решил, что человечество готово платить любую цену за знание. Цену плоти.

Он закашлялся, сплюнул. Кассета зашипела.

— Если ты это слушаешь, значит, Союза больше нет. Значит, мы проиграли холодную войну. Но, черт возьми, девоч-

ка, мы хотя бы выиграли право смотреть на звезды без страха. Запиши это. Передай тем, кто будет строить новый мир. Пусть знают, что сапоги советского солдата примерзали к палубе не зря...

Лента оборвалась с сухим хлопком.

Анна сидела на полу, сжимая пластмассовый корпус плеера. Старый запах дачи вдруг исчез. На секунду ей показалось, что воздух наполнился озоном и запахом мокрой хвои. Она посмотрела на свои руки — кожа покрылась мурашками, словно в комнате внезапно упала температура до минус тридцати.

Следующие полгода она провела в архивах. Новой России не было дела до секретов прошлого, но бумажный след тянулся сквозь ведомства. Выписка из госпиталя Бурденко на имя Зимина Андрея Ильича. Приказ о награждении орденом Красной Звезды с закрытой формулировкой «За выполнение особого задания правительства». Акт о списании материальных ценностей НИИ в Протвино за октябрь девяносто первого: *«Три свинцовых контейнера. Содержимое: биологические отходы (криоконсервация). Утилизация методом кремации в промышленной печи №4».

Ни слова о корабле. Ни слова о дробе «один к трем». Система сделала свою работу идеально — спрятала правду так глубоко, что ее поглотило равнодушие рыночной экономики.

Анна не пошла в ФСБ. Она открыла ноутбук, купленный в кредит, зашла на сайт Ridero и создала новый документ.

Она не стала менять стиль оригинала. Оставила сухую военную прозу, канцеляризмы полковника Штерна и тяжелый, прокуренный слог своего деда. Она лишь добавила предисловие:

«Все персонажи и события являются художественным вымыслом. Любое совпадение с реальными людьми случайно. Данный текст представляет собой фантастический рассказ».

Это была необходимая ложь. Единственный способ обмануть алгоритмы цензуры модерации и тотальную апатию читателей, уставших от теорий заговора. Чтобы рассказать правду, нужно было нарядить ее в костюм фикшена.

Книга вышла тиражом в сто экземпляров за свой счет. Две недели она висела мертвым грузом на дне рейтингов интернет-магазинов.

А потом случилось двадцать шестое февраля. Когда небо над далекими северными городами прочертили неопознанные объекты идеальной геометрической формы, которые двигались абсолютно бесшумно, игнорируя законы аэродинамики. Когда спутники GPS начали давать сбой, транслируя на экраны навигаторов пульсирующий сигнал на частоте, не принадлежащей ни одному земному передатчику.

Ссылка на книгу Анны разлетелась по Telegram-каналам за одну ночь. Комментарии под постами разрывались от криков: «Выдумка? Мой отец служил в ПВО под Хабаровском в восемьдесят пятом, он рассказывал точно такую же историю перед смертью!», «Читаю и слышу этот гул в ушах, мне

страшно».

Правда, погребенная под руинами СССР, проросла сквозь капиталистический асфальт двадцать первого века. Майор Зимин снова стоял на своем посту в промерзшем десантном отсеке Ми-26. Полковник Штерн снова принимал невозможное решение в подземном бункере. Лейтенант Сомов снова превращался в серебристую пыль посреди тайги.

Анна закрыла крышку ноутбука. За окном шумела Москва — гудели машины, светились витрины круглосуточных супермаркетов, продавцы шаурмы громко зазывали покупателей. Обычная жизнь победившей реальности.

Но теперь эта реальность знала, какой ценой покупается тишина в небе. И когда следующей ночью над городом повиснет идеальный черный диск, кому-то внизу не придется сходить с ума от неизвестности. У него будет карта. Карта, написанная кровью инвалида в старой дачной веранде.

История закончилась. Началось ожидание.

Операция «Анадырь»

Глава 1

Объект «Сирень»

Анна, разбирая записи своего деда, наткнулась на старую пожелтевшую папку, на которой красным карандашом было написано: «Операция „Анадырь“. Объект „Сирень“. Октябрь 1962 год».

Запись на папке, которую нашла Анна, — это прямое свидетельство участия ее деда в одном из самых напряженных эпизодов Холодной войны.

Операция «Анадырь» (1962 год)

Это кодовое название секретной операции Генерального штаба Вооруженных сил СССР по скрытной переброске на Кубу советских войск и ядерного оружия. Официально целью называлось создание группировки для предотвращения вторжения США на остров, однако истинная задача заключалась в размещении ракет средней дальности с ядерными боеголовками в непосредственной близости от американских границ.

Название было выбрано как часть легенды прикрытия: чтобы скрыть направление движения, солдатам выдали тулупы и лыжи, а операцию представили как передислокацию на Чукотку, где протекает река Анадырь. (Операция «Анадырь». Досье — ТАСС).

«Объект Сирень»

В рассекреченных документах Министерства обороны РФ и мемуарах участников событий фигурирует понятие «специальный маневренный объект „Сирень“». Это был позиционный район 51-й ракетной дивизии РВСН под командованием генерал-майора Игоря Стаценко. Именно здесь базировались полки баллистических ракет Р-12 (дальностью до 2000 км) и находились хранилища ядерных боевых частей к ним.

Размещение этих ракет позволяло Советскому Союзу нанести удар практически по любой точке территории США за считанные минуты, что кардинально меняло стратегический баланс сил. В октябре 1962 года ракеты на объекте «Сирень» были приведены в полную боевую готовность. (Операция «Анадырь». Досье — ТАСС).

Октябрь 1962 года — это пик Карибского кризиса. К этому времени американская разведка уже обнаружила советские ракеты (полет самолета U-2 состоялся 14 октября), но в начале месяца, когда дед Анны делал эту запись или готовил документы, операция находилась на финальной стадии развертывания. Мир стоял на пороге ядерной войны. Напряже-

ние достигло апогея именно во второй половине октября:

— 22 октября президент США Джон Кеннеди объявил о введении «карантина» (морской блокады) Кубы;

— 27 октября над Кубой был сбит американский самолет-разведчик U-2, что поставило мир на грань прямого военного столкновения;

— 28 октября Хрущев согласился демонтировать ракеты в обмен на гарантии ненападения США на Кубу и тайное обещание убрать американские ракеты «Юпитер» из Турции. (Операция «Анадырь». Досье — ТАСС).

Важная находка

Папка, которую нашла Анна, являлась не просто историческим артефактом, а личным документом участника события планетарного масштаба. Участие в операции «Анадырь» требовало строжайшей секретности. Военнослужащие давали подписку о неразглашении, многие семьи десятилетиями не знали, чем на самом деле занимались их близкие родственники осенью 1962 года. Солдаты месяцами жили в трюмах кораблей при температуре +50 градусов, разгружали ракеты ночью под вспышками американских патрульных самолетов, строили стартовые позиции вручную в кубинских джунглях, скрываясь от агентуры ЦРУ. По данным Минобороны РФ, только с августа 1962 по август 1964 года на Кубе погибли 64 советских гражданина. (Операция «Анадырь». Досье — ТАСС).

Для Анны этот пожелтевший документ может стать на-

чалом глубокого исследования истории своей семьи. Ей решила проверить военный билет, сохранившиеся письма того периода или награды деда (многие участники были награждены орденами Красной Звезды). Также задумала позже обратиться в Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО) в Подольске — личные дела офицеров и журналы боевых действий Группы советских войск на Кубе постепенно рассекречиваются, и там могут храниться дополнительные сведения об участии конкретного человека в обеспечении работы объекта «Сирень».

Операция «Анадырь». Объект «Сирень»

Октябрь 1962 года. Кабинет начальника ГРУ Генерального штаба, Москва.

В кабинете пахло озоном, после короткого осеннего ливня, и, валерьянкой. Генерал-полковник Иван Серов, человек с лицом, высеченным из кремня и глазами, уставшими от бессонницы ядерного паритета, медленно положил трубку телефонного аппарата ВЧ-связи. Пальцы, только что подписывавшие приказы о приведении РВСН в готовность номер один, мелко дрожали.

— Началось, — выдохнул он в пустоту кабинета.

Полковник Василий Смирнов стоял по стойке смирно у огромной карты полушарий, где синими флажками была утыкана Куба, а красными — Турция. От его начищенных до блеска сапог отражался свет настольной лампы. Но сегодня Смирнов был не похож на парадного офицера. Под левым

глазом дергался нервный тик — следствие трех суток без сна над дешифровками из Лэнгли.

— Товарищ генерал, спутниковый перехват подтвержден. Американцы знают про «Анадырь». Кеннеди объявил морскую блокаду пятнадцать минут назад. Флот США движется к Кубе. Расчетное время первого столкновения кораблей — ноль сорок по Москве.

Серов потер переносицу. Карибский кризис перестал быть шахматной партией аналитиков. Он стал ревущей лавиной.

— Если они ударят по нашим кораблям в Атлантике, Хрущев отдаст приказ ответного удара по Стамбулу и Франкфурту. А там их базы. Через час мы будем считать потери миллионами. Полковник, мне нужно чудо. Мне нужен козырь, который я смогу выложить на стол Совета Безопасности ООН раньше, чем Микоян сожжет себе легкие дымом американских сигарет.

Смирнов сглотнул. То, что он собирался сказать, нарушало все мыслимые директивы ЦК КПСС.

— Чудо уже здесь, товарищ генерал. Оно упало две недели назад. Не на Кубу. На нас. Север Свердловской области. Район Верхотурье.

За две недели до этого. Северный Урал.

Объект нашли местные охотники-промысловики. Сначала подумали, что разбился новейший прототип туполевского разведчика: идеальный диск цвета мокрого асфальта, вре-

завшийся в вековую лиственницу так, что срезал ее под корень. Ни огня, ни взрыва. Только абсолютная тишина, в которой вяз звук.

Когда прибыла опергруппа Особого отдела Уральского военного округа, картина изменилась. Диск был холодным. Не остывающим, а «изначально» холодным. Температура поверхности держалась на минус ста сорока градусах Цельсия в десятиградусный мороз. Кожа прилипала к металлу намертво, отрываясь вместе с мясом.

Но настоящий ужас ждал внутри.

В центральном отсеке, зафиксированные в креслах из материала, напоминавшего застывший битум, сидели двое. Рост около полутора метров, непропорционально большие черепа, обтянутые серой пергаментной кожей. Никакой одежды, никаких скафандров. И глаза. Огромные, абсолютно черные линзы, покрытые сеткой тончайших золотых капилляров. Они были мертвы. Точнее, находились в состоянии криостаза. Их грудные клетки едва заметно вибрировали — медленный, почти геологический ритм одного вдоха в три минуты.

Вместе с ними привезли то, что позже назовут «Индиго». Субстанцию, найденную в разбитых колбах рубки управления. При комнатной температуре она вела себя как тяжелая ртуть, но стоило температуре упасть ниже нуля, как жидкость превращалась во взвесь микроскопических кристаллов, излучавших ровный фиолетовый свет.

Октябрь 1962 года. Бункер «Семеновское», Подмос- ковье

Смирнов щелкнул замком кожаного портфеля. Внутри, в свинцовом ларце, лежала ампула с «Индиго».

— Мы потеряли двенадцать человек, прежде чем поняли протокол обращения, — голос полковника звучал глухо. — Лейтенант Ребров просто хотел протереть стекло перчаткой. Его рука примерзла. Когда мы попытались отрезать кисть, чтобы спасти артерию, лезвие скальпеля рассыпалось в пыль. Эта дрянь пьет тепло быстрее, чем вакуум космоса. Она вывела из строя систему охлаждения нашего главного вычислительного центра в Монино за десять секунд. Вычислитель сошел с ума, пытаясь рассчитать отрицательную энтропию этой субстанции.

Серов смотрел на ампулу. Сквозь толстый свинец пробивался мертвенный ультрафиолет.

— Значит, это не немцы. И не американцы. Это третья сторона, полковник. Пока два идиота играют в ядерный покер, настоящие хозяева системы наблюдают за нами из-за забора.

— Хуже, — Смирнов достал второй документ. Папку с грифом «Особой важности. Проект „Лотос“». — Они не просто наблюдают. Они падают. Этот корабль под Свердловском совершил жесткую посадку. Судя по деформации корпуса, он убегал от чего-то. Или преследовал кого-то. Наши эксперты из Королева разводят руками. Там нет двигателей в

земном понимании. Корпус сам является генератором поля.

Серов подошел к карте мира. Его палец остановился на черной точке в центре Тихого океана — зоне, куда не доставала советская морская разведка.

— Если информация об этом попадет к президенту Кеннади... Он решит, что мы прячем инопланетян как новое оружие возмездия. Он нажмет кнопку немедленно. Нам нужна полная изоляция объекта. Настолько глубокая, чтобы о нем забыли даже те, кто его нашел.

— Я предлагаю создать автономную структуру, — Смирнов раскрыл папку «Лотос». — Прямое подчинение начальнику ГРУ. Без финчасти Генштаба, без допусков Минобороны. Нулевой бюджет. Закупки через подставные кооперативы и фонды защиты природы. Официально — лаборатория исследования аномальных атмосферных явлений.

— Кто возглавит? Нужен человек с ледяной кровью. Тот, кто сможет смотреть на этих серых карликов и видеть в них не бога или дьявола, а просто бракованную деталь механизма.

— Есть кандидат. Майор Илья Штерн. Врач-биолог, нейрофизиолог. Работал с Королевым на живых испытаниях перегрузок. Абсолютно аморален ради науки. Ради результата вскрыет собственную мать и не поморщится. Именно он разработал контейнер для перевозки тел, используя трофейные немецкие разработки по консервации крови времен войны.

Серов долго молчал. За бронированной дверью бункера

выла сирена учебной тревоги гражданской обороны. Где-то далеко, над Атлантикой, американские эсминцы сейчас наверняка освещали прожекторами советские сухогрузы.

— Хорошо, — наконец кивнул генерал. — Создаем группу. Название... Сирень. Пусть будет «Сирень». Выделяю вам старый санаторий КГБ в Протвино. Оборудуйте там холодильник. Любой ценой поддерживайте температуру объектов. Если хоть одна ампула разобьется, мы получим новый ледниковый период прямо в Московской области.

Смирнов закрыл портфель.

— Что докладывать Первому? О пришельцах ему знать нельзя, инфаркт случится раньше, чем ракеты долетят до Флориды.

— Докладывай правду, — усмехнулся Серов, и эта улыбка выглядела страшнее любого крика. — Скажи, что американская разведка готовит провокацию с биологическим оружием нового типа на нашей территории. Скажи, что нам нужен карантинный объект высшей степени секретности для изучения штаммов, способных выживать при сверхнизких температурах.

— Биологическое оружие?

— Да, полковник. Для политиков, для военных, для истории — пусть это будет сибирская язва или чума. Пусть это будет враг, которого они понимают. Человека можно победить ракетой. Как победить физику другого измерения? Никто не знает. Поэтому мы будем воевать с призраками, пока

живые делят между собой планету.

Смирнов отдал честь и вышел.

Генерал Серов остался один. Он подошел к сейфу, достал початую бутылку армянского коньяка и граненый стакан. Налил доверху.

Он знал цену этой сделки. Группа «Лотос», проект «Сирень», майор Штерн — всё это станет государством в государстве. Черной дырой, которая будет поглощать миллиарды рублей, лучшие умы страны и человеческие жизни. Всё это ляжет на дно архивов слоем пыли толщиной в тридцать лет.

Но когда пальцы американского капитана на палубе авианосца сомкнутся на кнопке пуска ракет «Гарпун» по советскому танкеру, идущему к Гаване, у Серова в столе будет лежать фотография черного диска.

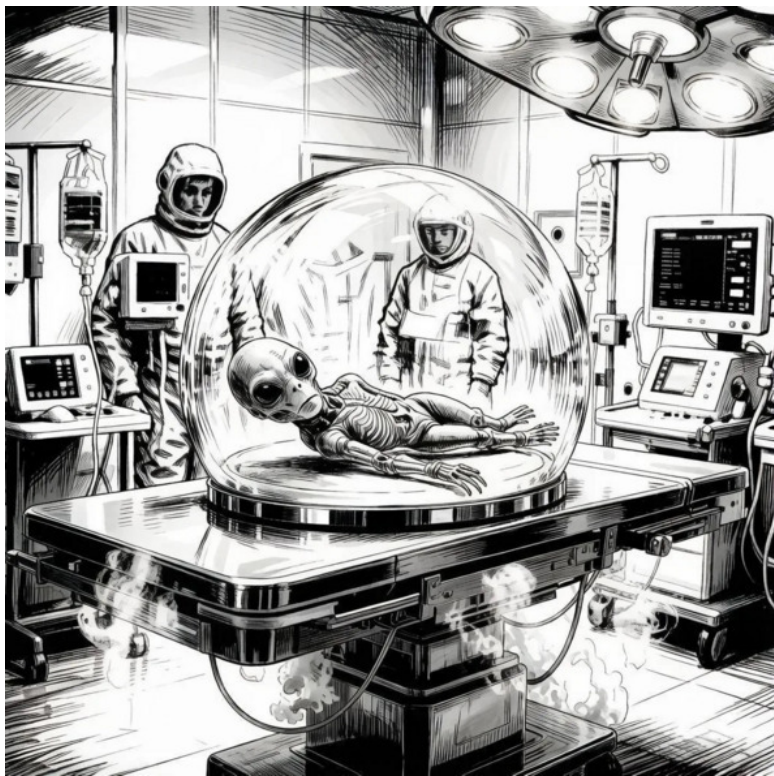
И знание того, что если мир сгорит в ядерной войне, отсюда, из темноты холодного космоса, обязательно придут те, кто собирал образцы ДНК на пепелище.

Он выпил коньяк залпом. Тепло обожгло пищевод, но не смогло согреть тот арктический холод, что поселился в его душе в день падения объекта «Сирень».

Глава вторая

Анабиоз по ГОСТу Ноябрь 1962 года. Научно- исследовательский объект «Протвино-3», подземный уровень минус четыре.

Майор медицинской службы Илья Маркович Штерн не любил запах озона. Для большинства людей он ассоциировался со свежестью после грозы, но для Ильи Марковича это был всегда запах смерти и сгоревших предохранителей. За последний месяц его лаборатория в Протвино сожрала годовой лимит электроэнергии всей Московской области.



Тело номер один — условно «Альфа» — висело в магнитной подвеске внутри титанового саркофага. Температура стенок камеры держалась на стабильных минус ста сорока пяти градусах. Любое отклонение на полградуса вверх вызывало бы у дежурного инженера микроинфаркт, а у самого объекта — начало неконтролируемой сублимации.

Штерн сидел перед толстым бронестеклом смотрового окна, сжимая в пальцах незажженную папиросу «Казбек». Курить, здесь было категорически запрещено: система вентиляции была настолько чувствительной, что могла принять молекулу табачного дыма за боевое отравляющее вещество и залить бункер хлором.

— Трофимов, статус теплоносителя, — бросил майор в интерком, даже не поворачиваясь к пульту управления.

— Стабильно, товарищ майор, — прохрипел динамик голосом старшего инженера. — Жидкий азот уходит цистернами. Если так пойдет дальше, к Новому году мы заморозим всё Подмосковье до самой Тулы. Академик Капица рвет и мечет, требует вернуть установки для физики высоких энергий. Говорит, без них открытие нобелевского уровня откладывается.

— Скажи академику, что мое открытие уже весит девятью килограммов и пахнет формалином, — Штерн, наконец, чиркнул спичкой, прикурил и тут же затушил ее о край пепельницы. Нервы звенели как перетянутая струна. — Что говорит спектральный анализ крови?

— То же самое, что вчера. Гемоглобин перестроен. Вместо железа в центре молекулы — какой-то изотоп платины или иридия. Кровь работает не как транспорт кислорода, а как сверхпроводник при абсолютном нуле. Товарищ майор... я подключил осциллограф к контактам глазного яблока Альфы. Там есть ток. Мозг спит, но нейроны продолжа-

ют обмениваться сигналами. Он видит сон, Илья Маркович. При температуре жидкого азота.

Штерн подошел ближе к стеклу. Лицо пришельца вблизи пугало не своей нечеловеческой формой, а своим несовершенством. В журналах западной фантастики инопланетяне были эталонами красоты. Этот же выглядел ошибкой природы: впалые щеки, атрофированные мышцы челюсти, сквозь серую кожу просвечивал синеватый узор капилляров.

— Ошибка проектирования, — пробормотал майор. — Или беженцы. Они не прилетели завоевывать. Они просто искали место холоднее, пока их собственный мир горел.

В этот момент тишину бункера разорвал вой сирены. Не учебной гражданской обороны, а резкий, пульсирующий рев внутренней тревоги объекта. Красный плафон над дверью замигал, бросая на лицо Штерна рваные тени.

— Разгерметизация сектора Б! Падение давления в криохранилище!

Штерн метнулся к пульту. Его пальцы, привыкшие к скальпелю, забегали по массивным тумблерам. На экране монитора зеленая линия температуры блока «Бета» стремительно поползла вверх.

Минус сто десять. Минус пятьдесят. Ноль.

— Пробит трубопровод подачи азота! Запорная арматура заклинила! — голос Трофимова сорвался на фальцет. — Камера «Бета» открыта! Объект активирован!

Объект «Бета» прибыл неделю назад. Второй корабль на-

шли под Воркутой, врезавшимся в вечную мерзлоту. Экипаж этого экземпляра состоял из существ чуть более крупного телосложения. И если «Альфа» излучала лишь холодное равнодушие камня, то от «Беты» фон шел другой — агрессивный, хищный. Именно поэтому Смирнов распорядился держать его в отдельном крыле, заварив двери стальными листами.

Тяжелая гермодверь сектора «Б» начала медленно отъезжать в сторону. Электромагнитные замки были на ультразвуке, сопротивляясь чему-то изнутри.

Штерн схватил со стола единственное доступное оружие — тяжелый медный огнетушитель. Смешно. Против существа, способного пережить космический вакуум и падение метеорита, баллон с порошком.

Дверь рухнула с лязгом, от которого посыпалась штукатурка с потолка.

В проеме стоял «он».

Ростом выше двух метров, плечи вдвое шире человеческих. Кожа не серая, а графитово-черная, поглощающая свет ламп аварийного освещения. Но самым страшным были глаза. У «Альфы» они были мертвыми линзами. У этого — двумя прожекторами цвета расплавленного золота. И в них плескался холодный, расчетливый разум.

Существо сделало шаг вперед. Движения были плавными, текучими, абсолютно бесшумными. Несмотря на огромный вес, мраморный пол под его ступнями даже не дрогнул. Оно

посмотрело мимо Штерна, на пульт управления, затем перевело взгляд золотых глаз на вентиляционную решетку под потолком.

Майор почувствовал, как воздух вокруг него становится густым. Легкие отказались делать вдох. Это не было давлением — это было отрицание. Пространство само выдавливало человека, признавая его присутствие досадной опечаткой.

Существо открыло рот. Человеческая анатомия предполагала крик или рык. Из горла гостя вырвался звук ломающегося сухого льда. Низкочастотный гул, который вошел в резонанс с костями черепа Штерна. Майор упал на колени, зажимая уши руками, чувствуя, как из носа хлынула горячая кровь.

И вдруг всё прекратилось.

Гул оборвался. Давление исчезло. Золотые глаза моргнули — впервые. Пленка третьего века на секунду закрыла сияющие радужки. Существо издало тихий вибрирующий вздох.

Оно смотрело не на Штерна. Оно смотрело на стену за его спиной. Вернее, на ту часть стены, где скрывались силовые кабели главного генератора.

Затем пришелец медленно поднял длинную четырехпалую руку. Пальцы заканчивались не когтями, а чем-то вроде присосок. Он приложил ладонь к бетонной стене.

Свет в бункере мигнул и погас. Наступила абсолютная темнота, прорезаемая только красными вспышками аварий-

ной сигнализации.

Где-то глубоко под землей взревели турбины электростанции и заглохли. Полная тьма. Только золотое свечение ладони, прижатой к бетону. Существо буквально высасывало электричество из проводов, питаясь энергией станции, как кит глотает планктон.

Штерн лежал на полу, захлебываясь собственной кровью и ужасом. Он понял замысел генерала Серова. Понял, почему проект назвали «Лотос».

Это был не исследовательский центр.

Это был вольтер. А он, майор Штерн, только что стал зрителем зоопарка, ключ, от клетки которого теперь находился внутри этой самой клетки.

Золотые глаза повернулись к человеку. В них не было злобы. Было лишь легкое недоумение, словно взрослый увидел таракана, выползшего из-под плинтуса. Пришелец разжал пальцы. Свет в коридоре вспыхнул, потом снова стабилизировался. Турбины в подвале неуверенно кашлянули и набрали обороты.

Существо развернулось. Его движения больше не казались угрожающими — скорее, усталыми. Оно подошло обратно к своему разбитому саркофагу, легло внутрь прямо на острые края разорванных труб с жидким азотом и закрыло глаза.

Температура в камере начала падать. Минус десять. Минус сорок.

Через минуту на стенах снова начал оседать белый иней. Трофимов ворвался в бункер с ручным фонарем «Летучая мышь».

— Илья Маркович! Что это было? Выбило пробки на подстанции! Весь Протвино потух! Генераторы...

— Закрыть сектор, — прохрипел Штерн, размазывая черную кровь по подбородку. Голос сел окончательно. — Заварить дверь. Навсегда. Использовать электроды толщиной в палец.

— Но товарищ майор, приказ полковника Смирнова — поддерживать жизнедеятельность...

— Мы поддерживаем холодильник, старший лейтенант, — Штерн поднялся, опираясь на стол. Ноги не слушались. — Передай Смирнову: первая модель — растение. Вторая модель — паразит. Если эта штука решит позавтракать нашей электросетью во время Карибского кризиса, Хрущев нажмет кнопку просто потому, что у него чайник не вскипел. Охрану усилить. Оружие выдать серебряными пулями, черт бы вас всех побрал. Выполнять.

Когда шаги инженера стихли, Штерн подошел к окну камеры «Альфа». Спокойное, ледяное лицо первого гостя казалось сейчас единственным островком безопасности в сошедшем с ума мире.

Майор достал новую папиросу. Руки дрожали так сильно, что он долго не мог попасть концом в пламя зажигалки.

— Добро пожаловать в Советский Союз, — прошептал он

в стекло, зная, что там, за тремя метрами бетона и стали, золотоглазый монстр слышит каждое его слово. — Теперь ты дома!

Глава третья

Симфония распада Декабрь 1962 года. Объект «Протвино-3».

Зима в этом году выдалась на удивление мягкой для Подмосковья, но под землей, на отметке минус четыре метра, царила вечная стужа. Майор Штерн изменился. За два месяца он постарел лет на десять: кожа обтянула скулы, под глазами залегли фиолетовые тени, а в волосах у самых висков проступила ранняя седина. Он перестал спать. Сон — это слишком опасная роскошь, когда по соседству спит бог.

— Илья Маркович, пульс падает. Сорок ударов. Тридцать восемь. Мы теряем его, — голос ассистентки Кати, совсем еще девчонки из Первого медицинского, дрожал от напряжения. Ее руки в стерильных перчатках лежали на стекле манометра внешнего контура саркофага «Альфа».

Штерн не ответил. Он смотрел сквозь бронестекло. Лицо пришельца больше не было спокойным. На серой пергаментной коже выступил иней конденсата — первый признак разгерметизации. Глаза «Альфы», обычно плотно закрытые пленкой третьего века, приоткрылись. И оттуда, из глуби-

ны черных радужек, сочился густой, осязаемый мрак. Это не был просто цвет. Это была субстанция. Первородная пустота, которая смотрела на людей с укором голодного тысячелетия.

— Катя, адреналин внутрисердечно, — приказал Штерн, хотя знал бесполезность земной фармакологии против физики нейтронной звезды. — Дефибриллятор готовьте. Попробуем встряхнуть кардиомиоциты электрическим разрядом.

— Но товарищ майор, температура тела тридцать один градус! При такой гипотермии фибрилляция... сердце просто рассыплется в пепел!

— Делай что сказано, младший лейтенант! — рявкнул Штерн так, что задрожали лампы дневного света. — Если мы дадим ему уйти естественным путем, протокол потребует кремации объекта прямо здесь. А я хочу знать, как работает эта машина перед тем, как генерал Серов скормит ее марте-новской печи Курчатовского института.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.